

□ ()

- . □ - - - - ()
: □ -
A BC BE E B B HH I

Специальность: 07.00.07 – этнография, этнология и антропология

- □ □
ABM B B O P A
B BAV A BO

Санкт-Петербург

2011

Диссертация выполнена в Отделе европейстики
Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

В О Р П О А : кандидат исторических наук
Новик Александр Александрович

- Т М В R A R доктор исторических наук, профессор
Мартынова Марина Юрьевна

доктор исторических наук
Островский Александр Борисович

О В С) В В М С Санкт-Петербургский государственный университет

Защита состоится «_____» _____ 2011 года в _____ часов на заседании
Диссертационного совета Д 002.123.01 по защите диссертаций на соискание ученой
степени доктора исторических наук при Музее антропологии и этнографии им. Петра
Великого (Кунсткамера) РАН (199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. 3).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Музея антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

Автореферат разослан «_____» _____ 2011 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
кандидат исторических наук

А.И. Терюков

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Описание и изучение обрядов жизненного цикла представляет собой актуальную проблему для отечественной этнографии, поскольку любая фиксация подобного материала не является завершенной – постоянно происходят качественные изменения уклада жизни, обычаев и обрядов, коллективных привычек и характеристик, которые являются неотъемлемыми компонентами любой культуры. Интерес к проблематике погребально-поминальной обрядности продиктован также тем, что она, как никакой другой аспект традиции, отражает проявления мировосприятия (представления о судьбе, душе, смерти, загробной жизни) и, таким образом, определяет картину мира той или иной этнической группы.

Албанцы Украины (живущие в Буджаке¹ и Приазовье) представляют собой уникальную этническую общность, сумевшую, с одной стороны, сохранить свое самосознание, язык и этнокультурную специфику, проживая на протяжении нескольких веков в отрыве от источника традиции, а с другой стороны, приспособиться к географическим, климатическим, политическим и этносоциальным условиям, которые определяло время. Накопление новых этнографических материалов по изучаемой проблематике и их научный анализ также дает возможность выявить пласты различных по происхождению структурных компонентов культуры данной этнической группы.

Известно, что погребальный обряд как обряд перехода обнаруживает параллели и тесную структурно-семантическую и мировоззренческую связь с другими обрядами жизненного цикла, прежде всего с родинными и свадебными. Настоящее исследование погребально-поминальной обрядности албанцев Украины призвано дополнить уже имеющиеся в научной литературе подробные описания албанской свадьбы² (детальный анализ родинной обрядности к настоящему моменту произведен не был).

¹ Буджак – историческая область на юге Бессарабии, расположенная в междуречье Прута и Днестра.

² *Державин Н.С.* Албанцы-арнауты на Приазовье Украинской ССР // Советская этнография. 1948. № 2. С. 161–164; *Иванова Ю.В.* Тенденция развития этнических групп в многонациональной среде (на примере албанских поселений на юге Украины в XIX–XX вв.)

Научная значимость. Проведенный в ходе исследования структурный анализ ритуальных актов погребально-поминальной обрядности в балканском контексте придает работе дополнительную научную значимость. Иными словами, в данном исследовании традиция албанцев Украины рассматривается с позиции ее включенности в культурный континуум карпато-балканского ареала. Это делается, прежде всего, посредством установления общих для данного ареала культурных особенностей, бытующих, в конкретном случае, в погребально-поминальной обрядности различных локальных традиций. Для наименования подобных компонентов при изучении албанцев Украины представляется удобным использовать термин *балканизмы*³. В настоящем исследовании под балканизмами следует понимать явления и феномены культуры, сохранившиеся в ритуалах, обычаях, представлениях албанцев Украины с тех времен, когда их предки проживали в пределах карпато-балканского ареала.

Объект и предмет исследования. Непосредственным объектом настоящего исследования послужила культура албанцев, проживающих в четырех селах, расположенных в Болградском районе Одесской области (с. Жовтневое) и Приазовском районе Запорожской области (сс. Георгиевка, Девнинское, Гаммовка) Украины. Предметом исследования выбрана погребально-поминальная обрядность в диахроническом разрезе, представленная в качестве цельного динамического единства, вписанного в парадигму обрядов жизненного цикла.

Цель и задачи работы. Основная цель работы – описание и анализ погребально-поминальной обрядности албанцев Украины в балканском контексте, что может быть

// СЭ. 1981. № 4. С. 98–103; Будина О.Р. О соотношении общих и локальных традиций (на примере балканских этнических групп на Украине и в Молдавии) // СЭ. 1984. № 2. С. 24–25; Новик А.А. Свадебная обрядность у албанцев Приазовья (по материалам экспедиций последних лет) // Университетские Петербургские Чтения. 300 лет Северной столице. СПб., 2003. С. 751–758; Он же. Албанские поселения на юге Украины. Свадебная обрядность в Приазовье в контексте сохранения традиций // Доклады российских ученых. IX конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы. СПб., 2004. С. 200–216.

³ Термин *балканизм*, применительно к явлениям народного менталитета и культуры, использовал, в частности, Н.И. Толстой. См.: Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Изд. 2-е испр. М., 1995. С. 123. Описывая традицию албанцев Приазовья, О.Р. Будина называет рассматриваемые явления *компонентами балканского происхождения*. См.: Будина О.Р. К проблеме миграции в Россию: особенности культурно-бытовых традиций у потомков балканских мигрантов // История. Культура. Этнология. Доклады российских ученых к VII Международному конгрессу по изучению Юго-Восточной Европы. М., 1994. С. 205.

достигнуто посредством изучения комплекса проблем, связанных с представлениями о судьбе и смерти, о потустороннем мире, правильном переходе и пребывании в нем, а также об участии живых членов социума в погребально-поминальных практиках и организации кладбищенского пространства (на примере сел Георгиевка и Жовтневое). Данная цель определила постановку и решение следующих задач:

- анализ представлений албанцев Украины о смерти в балканском контексте предопределенности судьбы;

- рассмотрение ритуализованных форм поведения, неукоснительно выполняемых во время нахождения человека между жизнью и смертью, и процедур ритуального характера, следующих после констатации смерти, а также анализ представлений о мертвом теле, о свойствах и качествах покойника;

- описание индивидуального и календарного поминальных циклов и выявление их связи с культом предков;

- описание культуры кладбищ албанских сел Украины: данный материал позволит проследить трансформацию типов намогильных памятников, установить основные принципы организации пространства кладбища, а также пролить свет на некоторые этапы истории данной этнической группы.

Для решения поставленных задач был привлечен широкий круг научных источников и полевых материалов, как собранных диссертантом, так и хранящихся в российских и зарубежных научных архивах.

Хронологические и географические рамки исследования охватывают вторую половину XIX – начало XXI вв. Выбранный временной диапазон обусловлен, прежде всего, состоянием источниковой базы, необходимой для исследования. Наиболее ранние сохранившиеся намогильные памятники датированы 1860-ми–1870-ми гг. Первые шаги по сбору материала, касающегося культуры албанцев Украины, были предприняты в 1910-х гг. Н.С. Державиным. На протяжении XX – начала XXI вв. в албанских селах Украины проводились полевые этнографические исследования ИЭ АН СССР (впоследствии – ИЭА и МАЭ РАН), на результаты которых также опирался диссертант (работы Ю.В. Ивановой, О.Р. Будины, А.А. Новика, Ю.В. Бучатской). В начале XXI в. автором данной работы был собран полевой материал, который, во многом, послужил ее основой. Необходимо учитывать, что в работе представлено описание лишь конкретного среза погребально-поминальной обрядности,

развивающейся непрерывно. Формирование структуры обряда протекало задолго до обозначенного хронологического диапазона в иных историко-политических и социальных условиях с учетом меняющейся языковой ситуации. Именно поэтому в данном исследовании является не только оправданными, но и необходимыми расширение географических рамок работы и привлечение различного рода этнографических свидетельств, сделанных в разное время в пределах карпато-балканского ареала.

Научная новизна работы. Во-первых, в данном исследовании комплекс погребально-поминальных обрядов албанцев Буджака и Приазовья рассматривается с новых позиций. Предшественниками и коллегами диссертанта, работавшими и работающими в исследуемых регионах (Н.С. Державиным, Ю.В. Ивановой, А.А. Новиком и др.), были сделаны лишь краткие описания некоторых особенностей погребальной обрядности албанцев. Всестороннее изучение данной проблематики с необходимой полнотой производится впервые.

Во-вторых, в данной работе предпринимается попытка исследования погребально-поминальной обрядности албанцев Украины в балканском контексте, что позволит проследить за особенностями культуры албанцев на фоне моделей, являющихся общими для данного ареала. Помимо этого, диссертант вводит в научный оборот значительное количество новых сведений и материалов (в том числе и по культуре кладбища), которые имеют характер первоисточника.

В-третьих, к настоящему моменту прошло более двадцати лет после получения Украиной независимости – за это время, как представляется, завершилась первая фаза процессов становления новой национальной идеологии и оценка предыдущей. Политические и этносоциальные события двух последних десятилетий, безусловно, повлияли на самосознание албанцев и на состояние их традиции, что в значительной степени отразилось и в данной работе.

Теоретическая и практическая значимость. Детальное изучение погребально-поминального комплекса албанцев Украины в балканском контексте имеет большое теоретическое и практическое значение. Наблюдения за непрекращающимся процессом трансформации погребально-поминального комплекса албанцев будут полезны в плане прогнозирования развития некоторых аспектов самобытной культуры в рамках ее пребывания в отрыве от источника традиции. Дополнительный

научный интерес привносит тот факт, что Буджак и Приазовье – чрезвычайно пестрые в этническом отношении регионы, в которых чересполосно проживают группы людей с различной исторической судьбой, вероисповеданием⁴, языком и традициями.

На примере похоронной обрядности албанцев Буджака и Приазовья можно проследить, какие компоненты культуры наиболее устойчивы к трансформации, а какие видоизменяются довольно легко. Эти наблюдения также помогут в понимании законов и механизмов, обуславливающих одновременные процессы сохранения и трансформации традиции в условиях полиэтничного окружения.

Материалы данного исследования могут быть полезны для дальнейшей научной работы в области этнографии и этнолингвистики карпато-балканского ареала и регионов Буджака и Приазовья, а также для написания учебных программ по соответствующим курсам. Важность настоящей работы обусловлена также необходимостью научного анализа погребально-поминальной обрядности албанцев Украины в балканском контексте, поскольку в условиях ориентации сельской жизни на городские стандарты существует вероятность уподобления похоронных ритуалов современной традиции, бытующей в регионе.

Методологические принципы исследования. В ходе решения поставленных задач при описании и анализе исследуемых явлений были применены системно-структурный, функциональный и историко-эволюционный подходы.

Основными методами исследования являются этнографическое описание, базирующееся на актуальных полевых материалах, и сравнительно-исторический анализ, для которого использовались ранние описания культуры албанцев Украины, что позволяет определить степень устойчивости различных компонентов погребально-поминальной обрядности изучаемой этнической группы, выявить факторы, влияющие на сохранение, трансляцию и трансформацию традиции в полиэтничном окружении и в определенных политических и социально-экономических условиях. Таким образом, использование сравнительно-исторического

⁴ Помимо этнических групп, исповедующих православие, в Буджаке и Приазовье проживали и проживают русские старообрядцы (поморцы, липоване), молокане, протестанты различных деноминаций (лютеране, меннониты), а также представители различных толков и сект, появившихся в данных регионах в последнее время (Адвентисты Седьмого Дня, Свидетели Иеговы и др.).

метода при описании рассматриваемого явления позволяет, с одной стороны, вычлнить наиболее устойчивые элементы из всего комплекса обрядности, а с другой, понять, какие составляющие обряда видоизменяются быстрее и легче других.

Сравнительно-типологический анализ, материалом для которого послужили как существующие этнографические описания, так и полевые наблюдения диссертанта, сделанные в ходе экспедиций на Балканский полуостров, применяется для проведения параллелей в плоскости погребально-поминальной обрядности, представлений о судьбе и смерти, бытующих в различных локальных традициях карпато-балканского, причерноморского и приазовского ареалов, с албанским материалом из Буджака и Приазовья.

При помощи этнолингвистического подхода, который заключался в вычлнении пласта лексики говора албанцев Украины, обозначающей реалии и понятия погребально-поминального обряда, удалось, тем самым, определить его терминологический код.

Сбор необходимого этнографического материала был осуществлен посредством метода включенного наблюдения, с ведением интервью и фиксацией полученных данных (на аудио- и фото-носители, а также письменная фиксация). Экспедиционная работа осуществлялась в ходе пяти полевых сезонов в Приазовье (2007-2011 гг.), Буджаке (2011 г.) и на Балканском полуострове (2009-2011 гг.) При подготовке к интервью с информантами диссертант использовал вопросники И.А. Кремлевой и А.А. Плотниковой⁵.

В ходе изучения наиболее ранних из сохранившихся намогильных памятников (1860-1900 гг.), обнаруженных на кладбищах в албанских селах (сс. Жовтневое, Георгиевка), были применены базовые методы эпиграфических исследований, которые заключались в расшифровке и лингвистическом анализе полученной текстовой информации, а также в изучении символики и орнаментики.

Источники и литература. В качестве одного из основных источников для исследования погребально-поминальной обрядности послужили полевые записи и иллюстративный материал, собранные автором в ряде сел Буджака и Приазовья с албанским, болгарским, гагаузским, русским (православным и старообрядческим) и

⁵ *Кремлева И.А.* Программа сбора материала по похоронно-поминальным обычаям и обрядам // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 307–326; *Плотникова А.А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М., 1996.

украинским населением в период с 2007 по 2011 гг. В качестве сопоставительного был привлечен этнографический материал, полученный диссертантом в ходе экспедиций на запад Балканского полуострова в 2009–2010 гг. (Албания, Македония, Черногория, Косово). Автором были обобщены результаты опросов около 100

публикацией, описывающей состояние культуры рассматриваемой группы балканских колонистов.

Исследователи, работавшие в полиэтничных регионах Буджака и Приазовья, отмечают значительные сходства не только в бытовой культуре, но и в родинной, свадебной и погребальной обрядности албанцев, болгар и гагаузов на территории бывшего СССР. Действительно, к настоящему моменту эти этнические группы проживают в непосредственном территориальном, культурном и социальном (первые межэтнические браки у албанцев были в начале XX в. с болгарскими и гагаузами) соседстве на протяжении нескольких сотен лет⁸. В связи с этим фактом в данном исследовании, посвященном погребальной обрядности албанцев, представляется необходимым привлечение болгарского (Х. Вакарелски, В. Васева, И. Георгиева, И. Енчев-Видю, Д. Кауфман, Н. Кауфман, Н. Колев, Н.С. Державин, В.П. Степанов и др.) и гагаузского (С.С. Курогло, В. Маринов, В.А. Мошков, О.К. Радова, С.С. Сорочану, В.И. Сырф, О.В. Трефилова, А.В. Шабашов) этнографического материала. В качестве одного из центральных трудов по данной проблематике невозможно не упомянуть монографию Х. Вакарелски «Български погребални обичаи: Сравнително изучаване» (София, 1990), подробным образом описавшего похоронно-поминальный комплекс в разных регионах Болгарии, в том числе и в интересующей нас местности – в северо-восточной части Болгарии (регион Добруджа), где проживали те албанцы, болгары и гагаузы, которые впоследствии переселились в пределы Российской империи.

Не менее важным при изучении албанцев Буджака и Приазовья представляется и привлечение материала, касающегося обрядности южных и восточных славян и различных подходов к ее анализу (работы А.К. Байбурина, Н.Н. Велецкой, Л.Н. Виноградовой, Д.К. Зеленина, Л. Нидерле, А.А. Плотниковой, Л. Раденковича, П.А. Ровинского, И.А. Седаковой, О.А. Седаковой, Н.Ф. Сумцова, Н.И. Толстого, С.М. Толстой, Е.С. Узеновой, В.И. Харитоновой, К.В. Чистова и др.). В компаративном смысле представляется полезным и привлечение румынского (исследования Н.Г. Голант, М.Я. Салманович, Т.Н. Свешниковой, Т.В. Цивьян, Г. Чаушану), арумунского (Дж. К. Кэмпбелл) и греческого (М. Алексиу, Л.М. Данфорт, Ю.В.

⁸ С 1862 г. можно все же говорить о некотором культурном и социальном обособлении части албанцев после образования в Приазовье отдельных от болгар поселений.

Иванова, М.Е. Кенна, О.Н. Ксенофонтова-Петренко, А.Н. Малинка, И.С. Пономарева, Л. Стеванович) материала.

Сложнее обстоит дело с собственно албанским материалом, от которого можно было бы оттолкнуться, пытаясь реконструировать и вычленить архаичные элементы в структуре современного погребального комплекса албанцев Украины. Во-первых, нужно помнить, что албанцы покинули свои земли относительно давно – предположительно, в XVI вв. (и каких-либо свидетельств для этого периода не сохранилось), с тех пор и в социальной, и в культурно-религиозной жизни албанского народа произошли значительные изменения, тем не менее, проведение параллелей в погребальной обрядности албанцев Украины и албанцев Балканского полуострова является одной из целей настоящего исследования.

Во-вторых, с 1950-х г. (когда стало возможным говорить о сложении академической албанской этнографической науки⁹) и вплоть до настоящего времени усилия албанских этнографов, в основном, были направлены на описание наиболее интересных и показательных *краин*¹⁰, таких как, скажем, Мат, Дукагьин, Мюзекя или Люма. Таким образом, среди албаноязычной этнографической литературы, освещающей проблемы погребального комплекса, встречается достаточно мало описаний похоронно-поминальной обрядности южных и юго-восточных областей Албании, которые, в основном, были сделаны представителями интеллигенции «на местах» (А. Гьика, П.М. Гьидеде, В. Ильо, Б. Прифти). Тем не менее, привлечение материала по албанцам Балкан необходимо. В этом отношении нельзя не упомянуть работы этнографа М. Тирты. В своих статьях и монографиях автор довольно подробно описывает культы предков и мертвых, поверья, связанные со смертью, культуру надгробных памятников (камней, крестов), а также собственно погребальные практики, распространенные во всем ареале расселения албанцев в пределах Балкан. Пожалуй, на сегодняшний день в данных работах содержится

⁹ Безусловно, существуют более ранние описания культуры (в т.ч. и элементов погребального обряда) албанцев, но, как правило, они сделаны иностранцами, служившими или путешествовавшими по землям, населенным албанцами (см., например, работы М.Э. Дурхам, Ф. Пуквиля, Т. Смарты Хьюза, Й.Г. Хана, Дж. Броутона (лорда Хобхауза), И.С. Ястребова и др.), и иллюстрируют лишь ту обрядовую сторону, которая казалась им наиболее яркой.

¹⁰ *Краина* (алб. *krahin|ë-a*) – историко-этнографическая область Албании. Подробнее о членении Албании на краины см.: *Zojzi Rr. Ndamja krahinore e popullit shqiptar // Etnografia Shqiptare. I – 1962. F. 16–62; Десницкая А.В. Албанский язык... С.52–53.*

наиболее полное и разноплановое описание албанского погребально-поминального комплекса, хотя, безусловно, существуют и другие исследования (работы М. Ахметая, А. Ахмети, М. Гойчая, А. Гьергьи, Н. Гьинали, М.Э. Дурхам, А.В. Жугры, Й. Кадишани, М. Краснич, Ф. Мехмети, Й. Нуши, А. Онузи, М. Пренуши, Ю. Селими, А.Н. Соболева, Ф. Сулеймани, Ш. Туды, Дж. Шкуртая, Дж. Юллы и др.).

Важным источником по истории Балкан (и Албании, в частности) и балканской античности послужили труды Г.Л. Арша, А.В. Десницкой, Э. Имамовича, М. Коркути, А. Стипчевича, Э. Чершкова, Б. Човича. Сведения по индоевропейской древности, использованные диссертантом, содержатся в работах Вяч.Вс. Иванова, В.Н. Топорова, О. Шрадера. Теоретические положения общей этнографии, социальной, культурной и философской антропологии, использованные в исследовании, представлены в работах Ю.В. Бромлея, А. Ван Геннепа, Э. Дюркгейма, К.Г. Жерве, М. Лок, Б. Малиновского, А. Рэдклифф-Брауна, К. Сил, И.В. Суханова, Э.Б. Тайлора, С.А. Токарева, Л.-В. Тома, В. Тэрнера, Дж. Дж. Фрэзера.

Работы всех отмеченных выше авторов призваны обозначить лишь основные направления теоретических и практических исследований, на которые опирался диссертант при анализе погребальной обрядности албанцев Украины. Помимо этого, существует большое количество неупомянутых работ отечественных и зарубежных исследователей, которые в той или иной степени помогли диссертанту в осмыслении имеющегося полевого материала и в написании данной работы.

Апробация работы. Основные результаты исследования и отдельные положения работы неоднократно освещались диссертантом в виде докладов: на ежегодных научных конференциях «Международная филологическая конференция» (Секция «Балканистика и византистика») (Филологический факультет СПбГУ, С.-Петербург, 2008, 2009, 2010, 2011), международной конференции «Полевая этнография – 2008» (Исторический факультет СПбГУ – МАЭ РАН, С.-Петербург, 2008), международной конференции «Русское наследие в странах Восточной и Центральной Европы» (БрянГУ, Брянск, 2009), международной конференции «Восьмые Санкт-Петербургские этнографические чтения» (РЭМ, С.-Петербург, 2009), итоговых годовых научных сессиях МАЭ «Радловские чтения» (МАЭ РАН, С.-Петербург, 2010, 2011), научно-практической конференции молодых ученых «Историко-культурное наследие и современная этнология» (ИЭА РАН, Москва,

2010), конференции «Балканские чтения – 11. Балканский спектр: от света к цвету» (Исл РАН, Москва, 2011), 14-й международной научной конференции «Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии, 2011» (РЭМ – СПбГУТД, С.-Петербург, 2011), IX Конгрессе этнографов и антропологов России (Петрозаводск, 2011), XXX Международном семинаре по албанскому языку, литературе и культуре (Seminari XXX Ndërkombëtar për Gjuhën, Letërsinë dhe Kulturën Shqiptare, Приштинский университет, Приштина, Косово, 2011), Международной научной конференции «Результаты полевых исследований традиционной культуры» (“Rezultate kërkimesh e studimesh etnokulturore në terren”, Тирана, Албания, 2011).

Структура исследования. Работа состоит из Введения, четырех глав, Заключения, списка источников и цитированной литературы, приложений. В приложения входят: а) опубликованные тексты причита

для смерти и подходящему / неподходящему для похорон, случаям обмирания, душе и ее пребыванию в потустороннем мире.

Одной из базовых установок при анализе погребально-поминальной обрядности являются представления о неизбежности судьбы. У албанцев Буджака и Приазовья, наравне с другими этническими группами Балканского полуострова и балканских колонистов, вера в предопределенность судьбы устойчиво сохраняется. В качестве иллюстрации и подтверждения данных представлений информанты излагают различные нарративы (многие из которых универсальны для Балкан и имеют индоевропейские корни), описывая случаи, которые якобы случались в далеком и недалеком прошлом. Суть рассказов сводится к тому, что на первую или третью ночь после рождения ребенка являются определенные персонажи и предопределяют судьбу, характер и личные качества новорожденного. У албанцев Украины не было записано специальных терминов для обозначения демонов судьбы, равно как не было зафиксировано и единого представления о внешнем облике данных мифологических персонажей (три мужчины, три женщины в черном, три ангела / человека в белых одеждах, Бог).

Помимо предопределения будущей жизни новорожденного, важным моментом, за который также отвечают демоны судьбы, является характер смерти. Какова будет кончина человека – легкая или тяжелая – определяется в начале его жизненного пути, но все же, как правило, она связана с прижизненным отношением индивида к окружающим. Тяжелая смерть уготована грешникам и знахаркам (если те не передадут свой дар лечения), но она также может быть результатом нанесенной порчи.

Кроме веры в неизбежность и предопределенность той участи, которая была «записана» человеку в первые дни жизни, в системе традиционных представлений албанцев Украины важное место занимают различные предвестники смерти (вещие сны, приметы и гадания). Данный материал систематизирован и проиллюстрирован примерами, описана система предохранительных мер против них. Диссертантом также выявлены общие и особенные черты этих представлений с попыткой их семантического анализа.

Отдельным сюжетом при описании представлений о загробном мире предстают рассказы албанцев о случаях обмирания. Обмирание (замирание) – народное название

летаргического сна или глубокого обморока, понимаемого как временная смерть, когда спящий (или его душа) перемещается на «тот свет», общается с обитателями загробного мира, а по пробуждении возвращается в реальную действительность.

является саван (*миробэза*), представляющий собой накидку из белой ситцевой ткани с отверстием для головы, которая надевается на голое тело умершего под одежду. Полевые материалы свидетельствуют, что в Буджаке и Приазовье подобный тип савана, наряду с албанцами, используют болгары и гагаузы. Таким образом, сравнение элементов культуры различных этнических групп, проживающих в непосредственном соседстве, позволяет считать данный тип смертного одеяния в контексте культуры албанцев, гагаузов и болгар элементом, который мог быть принесен на новое место жительства с Балканского полуострова и устойчиво сохраняется по настоящее время.

Другим важным обрядовым актом, рассмотренным в данном разделе, является период нахождения человека на «смертном одре» и непосредственный момент наступления смерти, а также действия родных, направленных на то, чтобы умирающий расстался с этим миром как можно легче – близкие не зажигают яркий свет и не шумят, не приводят гостей в дом, не оставляют больного наедине. Как только становится ясно, что человек должен в скором времени умереть, у изголовья его кровати ставят 3-4 банки или одно ведро с пшеном, куда втыкают свечи и ставят лампы.

В-третьих, крайне важными в ритуальном отношении являются первые часы с момента смерти человека – именно в этот период происходят действия по подготовке покойного к погребению (обмывание и обряжение), выполняемых людьми из числа соседей, которых назначают родственники умершего. Помимо этого, в первые минуты после наступления смерти в доме закрывают зеркала, а на ворота вывешивают отрез черной материи (Буджак), а также убирают со двора домашних животных (особенно кошек), поскольку среди албанцев Украины сохраняется архаичное балканское поверье, что если кошка (или другое животное) перепрыгнет через покойного, то он обратится в вампира.

Во втором разделе «*Мертвец в доме*» рассмотрены особенности этикетного и эмоционального поведения родственников умершего и остальных присутствующих во время нахождения тела покойного в доме до момента выноса гроба за пределы двора. Особое внимание уделяется анализу ритуального оплакивания (причитания) покойного и приводятся образцы плачей. Представляется возможным говорить о том, что современная традиция причитания, бытующая у албанцев Украины,

обнаруживает тесные связи и типологические параллели с типами оплакивания, ныне фиксируемыми в ареалах расселения албанцев на Балканах (особенно, на юго-востоке совр. Республики Албания). Данный факт свидетельствует в пользу сохранения традиции ритуального оплакивания покойного с момента исхода предков албанцев Буджака и Приазовья с родных земель.

Второй раздел диссертации также содержит подробные описания и анализ обрядовых актов, сопутствующих изготовлению гроба, креста и могилы. Хотя в настоящее время в похоронном обряде используют гробы, изготовленные и приобретенные в городе, однако многие албанцы помнят, что раньше меркой (для определения длины тела усопшего, гроба и могилы) мог служить тростник / камыш (Буджак) или нитка белого или черного цвета (Приазовье), которые впоследствии нужно было бросить в могилу. Более архаичной, однако, среди албанцев Приазовья является практика, согласно которой эту нитку (вместе с веревками-вязками с рук и ног) закладывали под черепицу на угол дома, где жил умерший.

Отдельным сюжетом в рамках данного раздела является освещение растительного кода погребального обряда албанцев Украины. Подробно рассмотрен предусмотренный ритуалом процесс изготовления букета для положения в гроб (*китка*), а также представления и поверья, с ним связанные. Основным обрядовым растением в контексте погребального обряда албанцев является базилик, что обнаруживает множественные параллели в растительных кодах локальных традиций карпато-балканского ареала.

Достаточно последовательно рассмотрена роль православного священника и его обязанности в процессе совершения чина погребения. Хотя действия священнослужителя, в общем, являются унифицированными в рамках Украинской Православной Церкви Киевского и Московского Патриархатов, обращает на себя внимание «полуцерковный», по определению Д.К. Зеленина, обряд «печатать» могилу, что, вероятно, следует считать привнесенным элементом в культуре албанцев Украины: он является неотъемлемым компонентом, прежде всего, украинского погребального комплекса и не встречается на Балканах.

В конце данного раздела в работе рассматриваются особенности выноса тела из дома и обрядовые акты, направленные на создание и поддержание ритуальной

чистоты в доме (избавление от всего «мертвого») – эти действия обусловлены, прежде всего, боязнью того, что покойник останется в мире живых.

Третий раздел «Транспортировка гроба на кладбище и похороны» посвящен двум важным этапам погребального обряда: организации траурной процессии (переход из мира живых в мир мертвых) и преданию тела земле (обретение покойным нового «дома»).

Полевая работа свидетельствует, что путь от двора до кладбища маркируется тремя остановками на перекрестках, во время которых под гроб (или под машину) бросают платок с завернутой в него мелочью (вся конструкция, как и обрядовое действие, именуется *йолбези*). После каждой остановки часть денег бросают на землю, и их забирают дети или малоимущие жители села.

Гроб в могилу опускают те же мужчины, которые готовят могильную камеру. Несмотря на очевидную близость основ погребального обряда албанцев в двух регионах Украины, в данном акте наблюдаются различия: в Приазовье для опускания гроба используют отрезки фабричной полотняной ткани, которые впоследствии распределяются между мужчинами; в Буджаке гроб опускают на двух канатах, хранящихся в церкви.

Завершает данный раздел описание действий, связанных с закрыванием могилы и насыпанием могильного холма и возвращением людей с кладбища, а также ритуалов очистительного характера, неукоснительно выполняемых перед поминальной трапезой, организованной родственниками усопшего. Анализ данных обрядовых актов демонстрирует наличие черт, фиксируемых в локальных традициях карпато-балканского ареала.

В четвертом разделе «Похороны в особых случаях» отдельно рассмотрены особенности погребения так называемых «нечистых» покойных (самоубийц, некрещеных и мертворожденных детей, рожениц, неженатых молодых людей и т.д.), а также некоторые представления и поверья, с этим связанные. В этом отношении традиция албанцев обнаруживает как поразительные сходства с южно- и восточнославянским материалом, так и абсолютные различия. Так, например, многие пожилые албанцы говорят, что после похорон тело нечистого покойного переворачивается в гробу лицом вниз, и он не может успокоиться, поскольку эту

ситуацию никто не в силах изменить. Согласно второй версии, дух самоубийцы летает над землей, и земля его не принимает.

Специфические особенности погребальной обрядности, которые удалось проследить на имеющемся материале, свидетельствуют об их укорененности и устойчивости, что отсылает нас к дохристианским представлениям. В данной главе этому аспекту придается особое значение. Следы дохристианских воззрений и поверий албанцев прослеживаются также и в тех сферах погребального обряда, которые ныне отождествляются самими носителями культуры как христианские.

Третья глава «Поминальная обрядность» содержит структурный анализ комплекса поминальных обрядовых практик, которые распадаются на два больших цикла: индивидуальный и календарный.

Первый раздел «Индивидуальный поминальный цикл» включает описание и анализ поминальных дат, предусмотренных традицией албанцев, на протяжении первого года с момента смерти, которые устраиваются для того, чтобы облегчить умершему путь в иной мир и обезопасить переход из категории живых в категорию мертвых (предков).

Традиционный поминальный цикл включает в себя следующие даты: поминки в день похорон, на 3-й, 9-й, 20-й, 40-й дни, а также на 3-й, 6-й, 9-й месяцы и год. Рассмотрев каждую из этих дат в системе поминального цикла, становится очевидным, что в настоящее время существует два общепринятых коллективных типа почтить память усопшего: поминальная трапеза (трапеза после погребения, на 3-й, 9-й, 40-й дни, полгода (только в Буджаке) и год) и раздача сладостей (на 20-й день, 3 мес., полгода (только в Приазовье), 9 мес.) с обязательным посещением кладбища родными. Соответственно, в зависимости от типа поминовения, характерного для конкретного дня, можно делать выводы о важности этой даты в представлениях о пребывании души в потустороннем мире. Иными словами, можно выделить основные (3-й, 9-й, 40-й дни, год, три года) и второстепенные (на 20-й день, 3, 6¹², 9 мес.) по форме поминки. Помимо этих двух категорий, поход на кладбище без последующей совместной трапезы (до 9 дней, каждую субботу до года) следует считать отдельным типом поминовения.

¹² В настоящее время поминки с обедом на полгода устраивают в Буджаке, а в Приазовье принято раздавать сладости. По всей видимости, причина этому – разница в экономическом положении населения в двух регионах.

Данный раздел диссертации также содержит развернутое описание кулинарного кода поминальной трапезы, обрядовых особенностей приготовления блюд (в частности, куты) и ритуализованных форм поведения за поминальным столом, а также их изменение на протяжении последних десятилетий.

Отдельное внимание уделяется рассмотрению системы ограничений, запретов и обязанностей на период траура. Одной из обязанностей, которую неукоснительно выполняют родственники умершего, является поливание могилы в установленные даты. Данный обрядовый акт направлен, прежде всего, на обеспечение покойного водой и утоление его жажды. Поливание могил (водой или вином) широко известно на Балканах и фиксируется во многих локальных традициях этого ареала.

Второй раздел «Календарный поминальный цикл» посвящен описанию комплекса поминальных дней в культуре албанцев Украины, которые приходятся на определенные христианским и народным календарями даты и направлены на то, чтобы вспомнить всех усопших членов семьи. Цель подобных ритуалов – актуализация связи между живыми и мертвыми людьми, подчеркивание уважительного отношения к ним, а руководящие мотивы – желание заручиться поддержкой и расположением предков.

В настоящее время комплекс поминальных дней предстает в довольно редуцированном состоянии (по сравнению с более ранними описаниями традиционной культуры данной этнической группы) и связан, в основном, с Пасхальным циклом. Возможно, причина столь сильной редукции кроется, в том числе, и в секуляризации общества в период активного советского влияния на традицию албанцев, начиная с 1930-х гг.

Основными поминальными днями, сохраняющимися в традиции албанцев, являются *Э Вдекрэвт а йенти* (Чистый четверг), *Пашка а Йогле* (Малая Пасха, отмечается на восьмой день от Пасхи) и Вознесение. В эти дни принято посещать могилы родственников, поливать их водой, а также раздавать сладости с просьбой помянуть усопших. До недавнего времени непременным событием дня *Пашка а Йогле* была общая трапеза на кладбище, в которой принимали участие все жители села.

В данном разделе особое внимание уделено рассмотрению и анализу архаичного поверья, согласно которому с период со дня *Э Вдекрэвт а йенти* до

Вознесения души умерших пребывают в мире живых – именно поэтому визиты на кладбище в эти даты осуществляются ночью: покойных необходимо встретить, а затем проводить.

Отдельным сюжетом исследования в контексте календарного поминального цикла албанцев является изучение праздника *Пеперуда*, имеющего отношение к весенне-летнему окказиональному обряду вызывания дождя, и установление его генетических связей с обычаями почитания предков (основанием для этого служит обрядовый акт захоронения куклы *керванчо*).

В качестве вывода третьей главы, следует отметить, что в настоящее время и индивидуальный, и календарный поминальные циклы, хотя и в ограниченной форме, устойчиво бытуют среди албаноязычного населения Украины. Подробное исследование данных обычаев и обрядов подтверждает, что поминание усопших в определенные дни после смерти человека и установленные христианским и народным календарями даты является характерной чертой албанского быта.

В четвертой главе «*Культура кладбища и надгробные памятники*» представлено описание культуры кладбищ албанских сел Украины на примере погостов Георгиевки (Приазовье) и Жовтневого (Буджак): данный материал позволит проследить трансформацию типов надгробных памятников, установить основные принципы организации кладбищенского пространства изучаемой этнической общности.

Первый раздел «*Культура кладбища с. Георгиевка (Приазовье)*» включает в себя развернутое описание кладбища, выявление хронологических секторов, а также установление типов надгробных памятников, бытовавших в различные временные отрезки.

Помимо этого, диссертантом был проделан значительный объем работы с символикой и текстами эпитафий, обнаруженных на памятниках 1870-1910 гг., а также был установлен типичный для рубежа XIX-XX вв. набор христианской символики, изображавшейся на монументах. Отдельного упоминания заслуживает рассмотрение солярных символов в качестве украшения албанских надгробных памятников в этот период, поскольку бытование схожих мотивов фиксируется повсеместно на Балканах вне зависимости от вероисповедания.

Другой особенностью кладбищ в албанских селах Украины является способ маркирования границ погоста канавой (т.н. *гандек*), за которой хоронили «нечистых» покойников. Полевые наблюдения, сделанные в соседних селах Приазовья, а также на Балканском полуострове, позволяют выдвинуть гипотезу, что у албанцев Украины, предки которых проживали в горной местности (юго-восток современной Албании), мог сохраниться данный способ маркирования территории кладбища, утратив утилитарную прагматику (отвод большого количества воды в весенний период).

Еще одним балканизмом в культуре кладбища с. Георгиевка является сохранявшаяся до середины 1990-х гг. практика установки в день похорон деревянных крестов особой формы, отличавшихся в зависимости от пола умершего.

При анализе материала, представленного во втором разделе «*Культура кладбища с. Жовтневое (Буджак)*», основное внимание уделяется тому факту, что данное село исторически является местом компактного проживания албанцев, болгар и гагаузов, выработавших единые принципы организации кладбищенского пространства. Стоит отметить, что примерно в один и тот же временной период (1870-1910 гг.) в Буджаке и Приазовье наблюдается бытование различающихся по форме, а позже и по способу изготовления, надгробных памятников. Несмотря на то, что преобладавшие в прошлом в с. Жовтневом типы монументов имеют общерегиональный характер без ярко выраженной этнической специфики, обращает на себя внимание факт сохранения традиции постановки резных деревянных досок (болг. *кукла*), представленных широким набором вариантов, вплоть до 2000-х гг.

В качестве вывода стоит заметить, что за последние сто пятьдесят лет (таков возраст наиболее старых памятников) в культуре кладбищ албанского населения Украины произошли колоссальные изменения, основным результатом которых явилось почти полное отсутствие маркеров этнической принадлежности в современном типе захоронения. В качестве сохраняющихся особенностей организации кладбищенского пространства в селах балканских колонистов можно назвать: а) большую глубину могильной камеры (доходящую до 2 м); б) фиксируемую до последнего времени традицию надгробных памятников в виде резных досок; в) частично сохранившуюся практику маркирования границ кладбища канавой (*гандеком*).

Изучение захоронений албанских сел Буджака и Приазовья показало, что принципы организации кладбищенского пространства являются менее устойчивыми к инновациям, нежели погребально-поминальный комплекс. На изменения в данной сфере оказывает влияние ряд факторов, таких как: соседнее окружение, социально-экономическая ситуация и, вероятно, активная позиция и миссионерская деятельность религиозных центров.

Заключение. В Заключении подведены основные итоги диссертационного исследования, которые сводятся к следующему:

1. Проанализирован весь цикл погребально-поминальной обрядности албанцев Украины как особой формы ритуального поведения.

2. Произведено изучение и описание кладбищ в селах с албанским населением (на примере сс. Георгиевка и Жовтневое), что позволило проанализировать культуру и структуру организации кладбищенского пространства данной этнической общности.

В соответствии с поставленными задачами и полученными результатами сформулированы следующие выводы:

1. В ходе проведенного исследования было выявлено, что погребально-поминальная обрядность изучаемой этнической группы отражает общие черты системы православного и традиционного мировоззрения в контексте феномена смерти и связанных с этим представлений о судьбе души после смерти.

2. В результате вычленения балканских мотивов из структуры погребального обряда албанцев Украины было выяснено, что данные компоненты обрядности в настоящее время играют роль маркеров этнического и/или локального самосознания. Балканские элементы обряда и представления, бытующие в культуре албанцев Украины, обнаруживают параллели с погребально-поминальным комплексом общих и локальных традиций Балканского полуострова.

3. Проведенный функциональный и структурный анализ всего комплекса погребально-поминальной обрядности албанцев Украины с выявлением балканизмов позволил определить в структуре погребального обряда албанцев компоненты, имеющие иное этническое происхождение (восточнославянские заимствования, практики советского времени, инновации последних лет, включая инициированные местным духовенством).

4. Сопоставительное изучение культуры албанцев Буджака и Приазовья показало, что, несмотря на общность основ традиции и культурных установок, прослеживаются некоторые характерные черты и особенности, отличающие друг от друга погребальный обряд албанцев, проживающих в двух регионах Украины.

5. Диахронический анализ погребальной обрядности албанцев Украины позволяет говорить о том, что каждый исторический этап, отмеченный какими-либо значительными переменами в образе жизни изучаемой этнической общности, отразился, так или иначе, и в погребальном комплексе. Данные трансформации протекали под влиянием следующих факторов:

- *географического* – перемещение данной этнической группы в пространстве;

- *конфессионального* – с одной стороны, православие в качестве религиозной принадлежности позволило сохранить основы погребального обряда албанцев, а с другой стороны, имеют место инициированные новым духовенством трансформации и инновации;

- *политического* – вследствие неоднократных изменений внутривосточной ситуации различные культурные модели обретали престиж в среде балканских колонистов Украины, что, безусловно, сказывалось на состоянии собственной культуры;

- *экономического* – преобразования товарно-рыночных стратегий повлекли за собой существенные изменения в традиционных способах ведения хозяйства, которые, в свою очередь, повлияли на модели бытового и ритуального поведения;

- *этносоциального* – на протяжении нескольких столетий албанцы переживали неоднократные смены этнического окружения, социальных ролей и статусов.

6. Сопоставление погребально-поминального комплекса албанцев Украины с традициями, бытующими на Балканах, показало включенность культуры балканских колонистов Буджака и Приазовья (в частности, албанцев) в карпато-балканский культурный ареал и сохранение преемственности в передаче традиционных практик и представлений.

Статьи в рецензируемых научных изданиях согласно списку ВАК

1. *Ермолин Д.С.* Пребывание душ на воле по представлениям албанцев Приазовья (в балканском контексте) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 3 (9), Часть 3. – С. 50–52. – 0,3 а.л.
2. *Ермолин Д.С.* Представления о судьбе, смерти и загробном мире у приазовских албанцев // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2011. № 2. Том 4. История. – С. 25–33. – 0,6 а.л.
3. *Ермолин Д.С.* «Приходи к нам завтра на обед» (поминальная обрядность приазовских албанцев) // Общество. Среда. Развитие. (Тerra Humana). 2011. № 2. – С. 124–129. – 0,75 а.л.
4. *Ермолин Д.[С].* Структура и характер современной погребально-поминальной обрядности албанцев Приазовья // Антропологический форум Online. 2011. № 15. – С. 163–193. – 1,9 а.л.
5. *Ермолин Д.С.* Причитания у албанцев Украины: фольклорная форма и живая традиция // Традиционная культура. 2011. № 4. (в печати) – 1 а.л.

Статьи в других изданиях по теме диссертационного исследования

6. *Ермолин Д.С., Новик А.А., Минаев С.Г.* Культура кладбища в албанском селе Георгиевка Приазовского района Запорожской области (Украина) // Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов / Отв. ред. С.И. Михальченко. – Брянск, 2008. Вып.10. – С. 223–230. – 0,5 а.л. (с илл.).
7. *Ермолин Д.С., Новик А.А.* К вопросу изучения похоронных обрядов албанцев Приазовья // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 9 / Отв. ред. Е.Г. Федорова. – СПб.: МАЭ РАН, 2009. – С. 99–117. – 0,5 а.л. (с илл.).
8. *Ермолин Д.С.* Похоронный обряд и отношение к смерти в традиционном обществе (на примере албанцев Приазовья) // Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов / Отв. ред. С.И. Михальченко. – Брянск, 2009. Вып. 11. – С. 246–255. – 0,6 а.л.
9. *Ермолин Д.С.* Сельский священник как внешний фактор трансформации народных представлений // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г. / Отв. ред. Ю.К. Чистов, М.А. Рубцова. – СПб.: МАЭ РАН, 2010. –С. 310–315. – 0,4 а.л.
10. *Ермолин Д.С.* Христианская символика и общепалканские мотивы каменных надмогильных крестов приазовских албанцев. Предварительные замечания // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 10 / Отв. ред. Е.Г. Федорова. – СПб.: МАЭ РАН, 2010. – С. 77–93. – 0,5 а.л. (с илл.).
11. *Ермолин Д.С.* Балканский растительный и животный код в контексте погребальной обрядности албанцев Приазовья // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. / Отв. ред. Ю.К. Чистов, М.А. Рубцова. – СПб.: МАЭ РАН, 2011. – С. 153–157. – 0,3 а.л.

12. *Ермолин Д.С.* Календарный поминальный цикл приазовских албанцев в балканском контексте // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 11 / Отв. ред. Е.Г. Федорова. – СПб.: МАЭ РАН, 2011. – С. 55–75. – 0,9 а.л. (с илл.).
13. *Ермолин Д.С.* Похоронный обряд приазовских албанцев (по материалам фотоиллюстративного фонда отдела европеистики и архива МАЭ) // Культурное наследие народов Европы. (Сборник МАЭ. Т. 57) / Отв. ред. А.А. Новик. – СПб.: Наука, 2011. – С. 156–215. – 3,7 а.л. (с илл.)
14. *Jermolin D.* Vendi i bimësisë dhe i kafshëve shtëpiake në ritet funërale të shqiptarët e Priazovjes në Ukrainë // Vjetar / Arkivi shtetëror i Kosovës. 43 – 44 / 2010. – Prishtinë, 2010. – F. 558–562. – 0,3 а.л.

Опубликованные тезисы докладов

15. *Ермолин Д.С.* Народное и православное (элементы погребального обряда албанцев Приазовья) // Полевые этнографические исследования: Материалы Восьмых Санкт-Петербургских этнографических чтений. – СПб., 2009. – С. 289–294. – 0,3 а.л.
16. *Ермолин Д.С.* Погребальный обряд и культура кладбища албанцев Приазовья: гендерный аспект (по материалам экспедиций 2007-2008 гг.) // VIII Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. Оренбург, 1-5 июля 2009 г. / Отв. редактор В.А. Тишков. – Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2009. – С. 387. – 0,1 а.л.
17. *Ермолин Д.С.* Символика каменных надгробных крестов албанцев Приазовья: христианские и общевалканские мотивы // Проблемы истории Центральной и Восточной Европы / Ред. С.И. Михальченко, В.Н. Гурьянов. – Брянск, 2009. – С. 33–39. – 0,3 а.л. (с илл.).
18. *Ермолин Д.С., Новик А.А.* Похоронный обряд у албанцев Приазовья (по материалам экспедиций 2007-2008 гг.) // Полевая этнография – 2008: Материалы международной научной конференции / Под ред. В.А. Козьмина, Н.В. Юхнёвой, И.И. Верняева. – СПб., 2010. – С. 279–287. – 0,3 а.л.
19. *Ермолин Д.С.* Проблемы вычленения балканских черт в погребальном обряде приазовских албанцев (по материалам экспедиций 2007-2010 гг.) // IX Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. Петрозаводск, 4-8 июля 2011 г. / Редкол.: В.А. Тишков и др. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011. – С. 53. – 0,1 а.л.
20. *Ермолин Д.С.* Рубаха *йолбэза* в комплексе современной погребальной одежды у албанцев Приазовья (полевые исследования 2007-2010 гг.) // Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии. Материалы 14-й международной научной конференции / под. ред. Н.М. Калашниковой. – СПб.: СПбГУТД, 2011. – С. 347–351. – 0,3 а.л.
21. *Ермолин Д.С.* Цвет на границе миров: семантика цвета в похоронной обрядности албанцев Приазовья // Балканский спектр: от света к цвету. – М.: ПРОБЕЛ-2000, 2011. (Балканские чтения 11. Тезисы и материалы.). – С. 100–104. – 0,3 а.л.